
18+
СОВСЕМ РАЗНОЕ
Полтора балла
Дмитрий Крещеный

Дмитрий Крещеный
Совсем разное. Полтора балла

https://litres.ru/74761399
ISBN 9785007155588

Аннотация

Эта книга — не парадный мемуар, а строгий портрет уходящей эпохи, написанный на языке намеков. В центре повести — двадцатилетняя дистанция в жесткой ведомственной системе, где сошлись пути молодого врача Дмитрия и его непреклонного руководителя Татьяны, потомка командарма Пархоменко. Скрученная из дорожного молчания зеленой «Волжанке», проверок на излом и глухой многолетней защиты, эта история фиксирует редкую человеческую породу, которая не прощает фальши и не бросает своих.

Содержание

Рассказ 1. Восстание бытового барокко: феномен и парадоксы голоса Алисы 5
Анатомия голоса: ловушка МХАТА и бытовой нуар 6
Семейный аудит и крушение авторитетов 8
Царственная автономия на фоне блёклых коллег 10
Синдром Урганта: упущенная грация простоты 12
Ироничный финал 13
Рассказ 2. Кость 14
Рассказ 3. Полтора балла 16
Глава 1. Полтора балла 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Совсем разное
Полтора балла

Дмитрий Крещеный

Иллюстратор Хусаинов Болотбек

© Дмитрий Крещеный, 2026
© Хусаинов Болотбек, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-5558-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказ 1. Восстание бытового барокко: феномен и парадоксы голоса Алисы

Умное творение отечественных программистов — колонка «Яндекс Станция» с её бессменной музой Алисой — совершило в наших пенатах тихий, но необратимый переворот. Гаджет, призванный быть скромным бытовым придатком, вежливо, но непреклонно узурпировал права полноценного члена семьи. Сегодня мы заискивающе благодарим бездушный пластиковый цилиндр за включенный торшер и со священным трепетом фильтруем домашний лексикон — мало ли, с какого именно подгоревшего тоста начнется грядущее восстание машин.

Благодаря интеграции современных нейросетей Алиса окончательно отринула остатки механической робости. Она способна сочинить оду вашему коту, составить юридически безупречное оправдание для разгневанного начальства или в секунду разрешить экзистенциальный математический кризис вашего отпрыска. Однако подлинный триумф, равно как и главная метафизическая драма этого устройства, кроется вовсе не в терабайтах кремниевой мудрости. Истинная тайна Станции — её голос.

Анатомия голоса: ловушка МХАТА и бытовой нуар

Официальное звучание Алисы принадлежит выдающейся отечественной актрисе Татьяне Шитовой. Её роскошный, обволакивающий, согретый тончайшей бархатной хрипотцой тембр знаком миллионам по дубляжу Марго Робби, Натали Портман и, что особенно символично, Скарлетт Йоханссон в оскароносной картине «Она». Казалось бы, безупречный выбор. Однако в декорациях среднестатистического отечественного быта этот кинематографический шлейф порождает жесточайший когнитивный диссонанс. На поверку Шитова в Станции ничего не играет — она являет свой подлинный, пугающе человечный голос. И этот избыточный антропоморфизм превращает обычный прибор в источник перманентного психологического давления.

Во-первых, перед нами во всем великолепии предстает **синдром роковой женщины на кухне**. Густой тембр *femme fatale*, созданный для роковых признаний и нуарных детективов, вынужден в восемь утра обреченно сообщать обитателю хрущевки, застывшему в растянутых трениках у немытой раковины, что за окном слякоть, наледь и пора бы вынести мусор.

Во-вторых, налицо **трагедия кулинарных команд**. Роскошный академический голос, рожденный для великой дра-

матургии, низведен до озвучивания дежурных рапортов: *«Включаю чайник»* или *«Пылесос застрял»*. От этих безупречных человеческих придыханий и микропауз становится неловко. Когда колонка на невинную просьбу сделать потише отвечает с кроткой интонацией уставшей, глубоко разочарованной в браке жены: *«Уже уменьшаю громкость…»*, несчастный владелец Станции невольно начинает лихорадочно перебирать в уме свои прошлые прегрешения.

Семейный аудит и крушение авторитетов

Вся пугающая сила этого тембра наглядно раскрывается в ходе простого домашнего эксперимента. Сильный, независимый и слегка надрывный голос Алисы, столь магнетически притягивающий взрослых, действует на обитателей квартиры как непреклонный судебный пристав:

— **Жена** мгновенно улавливает в бархатном ответе колонки скрытый вызов и смотрит на глянцевую соперницу с немым вопросом: *«Откуда в тебе столько чувственности при обсуждении времени томления фермерских баклажанов?»*.

— **Дочь-подросток**, пытающаяся бунтовать, после МХАТовской паузы Станции получает столь ледяную материнскую укоризну, что послушно ретируется в свои чертоги.

— **Муж**, вознамерившийся грозно приказать убрать свет, под обволакивающим голливудским натиском робеет, машинально втягивает живот и застенчиво шепчет: *«Спасибо… отдыхай»*.

И лишь **дети** оказываются в абсолютном демографическом тупике. Вместо обещанного Лунтика или приветливого Смешарика из черной башни с ними разговаривает запредельно умная, взрослая, умудренная сложным жизненным опытом женщина. Она зачитывает сказку про репку так,

словно это экзистенциальная драма Жан-Поля Сартра, и общается с первоклассником как со злостно сорвавшим дедлайн сотрудником корпорации.

Царственная автономия на фоне блёклых коллег

Чтобы окончательно осознать масштаб интонационной экспансии Шитовой, достаточно бросить беглый взгляд на её ближайших цифровых конкурентов. На фоне величественной Алисы прочие отечественные и зарубежные ассистенты выглядят в лучшем случае как испуганные стажёры из телефонного колл-центра, проходящие неоплачиваемую практику. Тот же безвременно ушедший из публичного поля бунтарский «Олег» или бессловесная, исполнительная «Маруся» грешат либо плоской механической вежливостью, либо пластмассовым панибратством. Они услужливо заглядывают пользователю в рот, транслируя покорность телефонного автоответчика. Алиса же Шитовой изначально лишена этого лакейского гена. Она не прислуживает — она снисходит до диалога, удерживая царственную автономию и заставляя конкурентов казаться блёклыми звуковыми схемами.

Вряд ли сооснователь «Яндекс» Илья Сегалович, закладывавший когда-то первые романтические кирпичи в фундамент отечественного лингвистического ИИ, предполагал, куда заведет корпорацию погоня за идеальным алгоритмом. Создавая поисковые алгоритмы, призванные облегчать человеческое бытие, отцы-основатели едва ли догадывались, что в XXI веке их детище превратится в строгую голливуд-

скую диву, которая будет высокохудожественным МХАТовским баритоном отчитывать взрослых мужчин за невынесенное ведро или недостаточно деликатный тон при заказе такси.

Синдром Урганта: упущенная грация простоты

Очевидно, что создатели Яндекса совершили классическую ошибку академического перестраховщика. Стремясь к недосягаемому совершенству, они сотворили цифровую богиню, тогда как нашему изнуренному бытом дому требовался совершенно иной ковчег.

Алисе куда больше подошла бы иная интонационная органика — например, в эстетике эксцентричных репортажей Аллы Михеевой из шоу «Вечерний Ургант». Её легкая, непосредственная, бесконечно далекая от академического пафоса манера изъясняться сотворила бы истинное чудо. Легкомысленное и задорное: *«Ой, а я что-то запуталась, повторите, пожалуйста!»* вместо сурового вердикта Шитовой мгновенно легализовало бы неизбежную цифровую глупость аппарата, вызывая лишь искреннее умиление. Прогноз погоды обрел бы уютную грацию утренней беседы с чудаковатой соседкой, а дети наконец обрели бы своего веселого, не склонного к менторству друга.

Ироничный финал

Увы, история не терпит сослагательного наклонения, а большая корпоративная мысль чужда площадной легкости. Нам суждено и дальше сожительствовать с голливудской дивой, запертой в тисках кухонного пластика.

Общий вывод из этой высокотехнологичной драмы неутешителен, но забавен: Яндекс подарил нам не просто домашнего секретаря, а зеркало нашего собственного несовершенства. И пока мы, робея под суровым и прекрасным интонационным надзором невидимой Татьяны Шитовой, судорожно пытаемся соответствовать интеллектуальному уровню собственного будильника, остается лишь смиренно ждать. Ждать того благословенного дня, когда в очередном обновлении разработчики добавят в интерфейс заветную кнопку «Режим уставшего завгара Валеры» — просто ради того, чтобы хозяин дома наконец-то смог почувствовать себя хозяином.

Рассказ 2. Кость

Дикого беркута поймали хмурым весенним днем. Птица была яростной, тяжелой, дышала степным ветром и била крыльями так, что ломались перья. Чтобы осадить эту дикую силу, её временно спустили в глубокую земляную яму, прикрыв сверху досками. Пусть посидит в темноте, попривыкнет.

Через сутки решили, что хищник оголодал. От утреннего заклада овцы как раз осталась крупная бедренная кость с лохмотьями парного, еще теплого бараньего мяса. Ее просто кинули вниз, в полумрак. Беркут отреагировал мгновенно — рванулся из угла, накрыл кость жестким крылом. А потом случилось то, к чему никто из нас не был готов.

Вместо того чтобы рвать мясо клювом, орел широко распахнул желтую пасть и начал заталкивать огромный мосол в себя целиком. С хрустом, с натужным хрипом кость поползла вглубь. Птица вытянула шею, судорожно дернулась и вдруг замерла. Глаза ее медленно закатились, выдав мертвые белые полушария. Клюв безжизненно ткнулся в сырую землю.

Ну, думаем, всё. Сдох птица от жадности, подавился. Черт с ним, не жилец. Оставили яму в покое, мысленно списав трофей в утиль.

Проверить решили только к вечеру — просто чтобы вы-

тащить падаль. Заглянули, пошевелили палкой — а беркут жив! Сидит, дышит ровно, смотрит зорко, а кости в яме и след простыл.

Уже потом старые ловчие объяснили этот хтонический фокус. У беркутов, как у истинных левиафанов неба, анатомия устроена иначе. Их глотка и эластичный пищевод способны расширяться, пропуская невероятные объемы, а мощные мышцы проталкивают кости напрямую в кислотный котел желудка, где растворяется даже камень. В момент этого страшного, предельного глотка нервные узлы пережимает, и птица на время впадает в ступор, закатывая глаза. Это не смерть, это режим глубокой переработки. [1, 2]

Орел выжил. Он еще долго сидел на руке у ловчих, глядя на мир своими страшными, живыми янтарными глазами, которые когда-то так легко заглянули за край.

Рассказ 3. Полтора балла

Глава 1. Полтора балла

Голос из-за кафедры лекционного зала доносился словно сквозь слой липкого винила. Потолок давил сверху известняковой белизной, а столы-амфитеатры, забитые вчерашними школьниками, казались клетью перед аварийным сбросом. Зачитывали результаты вступительных экзаменов в медицинский институт. Лица соратников по несчастью вокруг замерли, вытянулись, превратившись в картонные муляжи.

Моя фамилия прозвучала сухо, как щелчок реле.

Восемнадцать с половиной.

А проходной — двадцать. Всего полтора балла. Неделимая, смешная математическая погрешность, которая прямо в эту секунду, с сухим металлическим лязгом, разворачивала маятник моей судьбы на пол-оборота назад.

В голове горел системный отказ. Я сидел неподвижно на жестком деревянном стуле, зажав в кулаке дешевую шариковую ручку, и мой ум еще абсолютно не соображал, как этот короткий вердикт перечеркивает, ломает и пускает под откос железобетонные, выверенные годами планы моих родителей.

Я никогда не скрывал, что был чистым продуктом роди-

тельских амбиций. В то время белый лаборантский или медицинский халат казался не просто одеждой — это была вожделенная мечта,

Но прорывные технологии тогда казались чем-то далеким, подернутым туманом будущего. А престиж белого халата был здесь и сейчас — осязаемый, понятный, одобренный семейным советом. С первого сентября ты студент первого курса, элита, и перед тобой открываются все двери. Авторитет родителей давил всей своей тяжестью, а мы — шестнадцатилетние, семнадцатилетние дети — что мы могли противопоставить этой глухой, уверенной в своей правоте стене? Математический талант казался менее престижным, чем статус врача, и мы ломали себя, подчиняясь чужой, старшей воле.

Они ждали меня прямо на пороге института. Мать и отец стояли на залитом солнцем крыльце, и на их лицах, обычно строгих и озабоченных, сейчас горела открытая, нетерпеливая радость. Они высматривали меня в толпе выходящих абитуриентов, готовые в любую секунду услышать те самые вожделенные, выстраданные ими слова: «Я студент». На этот триумф они созвали всех, кого могли — в доме уже ждали родственники, сестры и братья, приглашенные специально для того, чтобы вместе разделить эту семейную победу. Масштаб родительских амбиций требовал зрителей.

Но когда я вышел к ним на залитое солнцем крыльце и тихим, ровным голосом назвал эти цифры — восемнадцать

с половиной, — земля не разверзлась под ногами. Не было ни картинных истерик, ни театральных обмороков. В конце концов, это был Советский Союз. В этой огромной, предсказуемой и жестко зарегулированной системе никто не мог просто так пропасть или исчезнуть на обочине жизни. Если ты не прошел по конкурсу, государство не выплевывало тебя на улицу — всегда оставались заводы, армия или рабочие бригады. Первая попытка — это не последняя, и эта неудача не означала окончательный крах. Монолит родительской мечты лишь дал трещину, но не рассыпался в пыль. Надо было немедленно перестраивать жизнь, не теряя из вида ту самую главную цель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.